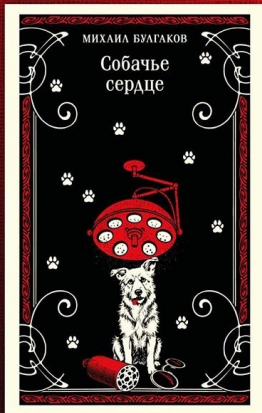
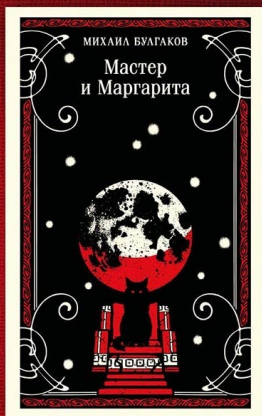

Три шедевра Булгакова: must-read русской классики

Комплект
из 3 книг

Михаил Афанасьевич Булгаков
Три шедевра Булгакова:
must-read русской классики
Серия «Магистраль. Главный тренд»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73921237
ISBN 978-5-04-246416-4

Аннотация

Комплект из 3 книг – платите меньше, читайте больше!

С состав входят: Белая гвардия, Мастер и Маргарита, Собачье сердце. Повести.

Комплектом выгоднее, чем покупать книги по отдельности

Белая гвардия

«Белая гвардия» – захватывающая семейная сага Михаила Булгакова, в которой автор частично изобразил историю собственной семьи, роман о социальной катастрофе, об исчезновении целого уклада жизни, которого больше никогда не будет. Любовь и предательство на фоне Гражданской войны, вера и отчаяние, страх и безудержная отвага – все это Булгаков передал простыми и понятными сердцу каждого словами. Этот роман – «Война и мир» начала XX века, равный по замыслу шедевр Льва Толстого, пронзительный и лиричный.

Книга содержит вступительную статью Марии Котовой, кандидата филологических наук, главного научного сотрудника научно-просветительского отдела государственного музея М.А. Булгакова, и иллюстрации Алексея Дурасова.

Мастер и Маргарита

Иллюстрированное цифровое издание со статьей от научного сотрудника «Музея М.А. Булгакова».

Роман «Мастер и Маргарита» претерпел многочисленные запреты к изданию и гонения, не хуже, чем судьба романа о Понтии Пилате самого Мастера. Впервые был издан в 1966 году с купюрами в журнальном варианте, а полный текст романа был опубликован только в 80-е годы XX века. До официальной публикации распространялся в перепечатанных вручную копиях и сразу приобрел невероятную популярность и любовь читателя.

Феерическая сатира на быт и нравы Москвы 30-х годов, одновременно пронзительная история любви Мастера и Маргариты и вечная библейская тема борьбы добра со злом, роман о Понтии Пилате внутри романа – таковы далеко не все пласты этого гениального произведения Михаила Булгакова.

Собачье сердце

Иллюстрированное цифровое издание со статьей от научного сотрудника «Музея М.А. Булгакова».

В книгу вошли сатирические повести «Дьяволиада», «Роковые яйца» и «Собачье сердце».

20-е годы XX века ознаменовались для молодого советского государства бурным строительством нового общества, где рядом со смелыми характерами соседствовали совершенно фантазмагоричные персонажи.

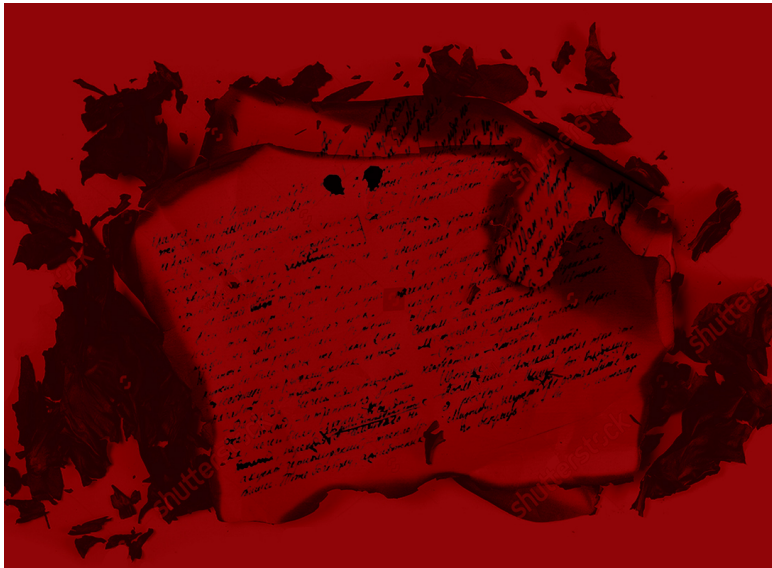
Михаил Булгаков со своим великолепным воображением и острым языком просто не мог пройти мимо них.

Производственные соревнования, волшебные смены руководства, битва с огромными монстрами и возможности скорого омоложения с непредсказуемыми последствиями – весь дух времени, приправленный практической мудростью, предстанет перед вами на этих страницах.

*Цена комплекта рассчитана исходя из базовых цен. Во время акционных предложений цена отдельных книг может меняться.

Содержание

Белая гвардия	6
«Белая гвардия»	8
Часть первая	15
1	15
2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	39

**Михаил Афанасьевич
Булгаков**

**Три шедевра Булгакова:
must-read русской классики**

Белая гвардия

© Булгаков М.А., наследники, 2023

* * *

*Посвящается
Любови Евгеньевне Белозерской*

«Белая гвардия»

Михаила Булгакова

В сентябре 1921 года Михаил Булгаков приехал в Москву и вместе с женой Татьяной Лаппа поселился на Большой Садовой улице, 10, в коммунальной квартире № 50. Здесь он задумал и начал писать роман о Гражданской войне. Работать Михаилу Булгакову приходилось по ночам, когда затихала шумная коммуналка. Татьяна Лаппа вспоминала позднее: «<..> любил, чтоб я сидела около, шила. У него холодели руки, ноги, он говорил мне: «Скорей, скорей горячей воды»; я грела воду на керосинке, он опускал руки в таз с горячей водой...» В декабре 1922 года на страницах просоветской берлинской газеты «Накануне» появился фрагмент будущего романа «Белая гвардия» – рассказ «В ночь на третье число» с подзаголовком «Из романа „Алый мах“». По предположению Мариэтты Омаровны Чудаковой, этот же рассказ Михаил Булгаков, скорее всего, отдал для несостоявшегося в итоге коллективного романа о Гражданской войне, анонсированного в следующем, 1923 году, в котором помимо Булгакова были заявлены еще двенадцать писателей. Несмотря на то что работать над романом Булгаков мог только урывками в свободное от службы в газете «Гудок» время, к лету 1923 года роман он закончил. Об этом Булгаков писал своему другу Юрию Слезкину, извещая о своих литературных делах:

«Роман я кончил, но он еще не переписан, лежит грудой, над которой я много думаю. Кое-что исправлю». Дальше перед писателем встал вопрос – где печатать? Какое издательство могло взять на себя риск напечатать роман, где сочувственно изображаются белогвардейцы? Издатель и друг Булгакова Николай Ангарский, издавший повести «Дьяволиада», «Рокковые яйца» и пытавшийся опубликовать «Собачье сердце», роман печатать отказался, о чем ему потом с легким укором писал Максимилиан Волошин: «Я очень пожалел, что Вы все-таки не решились напечатать «Белую гвардию» <..> эта вещь представилась мне очень крупной и оригинальной; как дебют начинающего писателя ее можно сравнить только с дебютами Толстого и Достоевского». Булгаков вел переговоры с разными издательствами и редакциями, и в итоге напечатать роман у себя в журнале «Россия», а потом и отдельной книгой, взялся энергичный редактор Исай Лежнев – эту драматичную историю Булгаков описал в повести «Тайному другу» и романе «Записки покойника» («Театральный роман»).

В апреле 1924 года Булгаков заключил с Лежневым договор на публикацию романа в журнале и отдельной книгой, но уже летом начинает сомневаться, что увидит книгу «Белая гвардия»: «Уверен, что «Гвардия» останется у меня на руках. Словом – черт знает что такое» (запись в дневнике Михаила Булгакова от 25 июля 1924 года).

Пока шли переговоры об издании романа, Булгаков читал

его друзьям в узком кругу и выступал с чтением в литературных кружках – роман, по его словам, «производил впечатление». Первая часть «Белой гвардии» была напечатана в конце 1924 года в четвертом номере журнала «Россия» (на самом журнале значился 1925 год). Для Булгакова это было большое событие, которое он отметил в дневнике 27 декабря: «У газетчика случайно на Кузнецком увидел 4-й номер «России». Там первая часть моей «Белой гвардии», т. е. не первая часть, а первая треть. Не удержался и у второго газетчика на углу Петровки и Кузнецкого купил номер. Роман мне кажется то слабым, то очень сильным. Разобраться в своих ощущениях я уже больше не могу. Больше всего почему-то привлекло мое внимание посвящение. Так свершилось». Роман был посвящен второй жене писателя, Любови Евгеньевне Белозерской, и это вызвало горькое разочарование Татьяны Лаппа, проведшей с писателями самые тяжелые годы на Большой Садовой, когда он писал «Белую гвардию». Позднее она рассказывала, как Булгаков принес ей журнал и на ее вопрос о посвящении сказал: «Она <меня> попросила. Я чужому человеку не могу отказать, а своему – могу...» Татьяна Лаппа бросила ему журнал под ноги: «Ну и забирай свою книжку».

Весной 1925 года в пятом номере журнала «Россия» вышло продолжение романа, но без финальных глав. Окончание романа Михаил Булгаков сдал Исае Лежневу в августе и стал ждать выхода шестого номера с заключительной ча-

стью «Белой гвардии». Но публикация не состоялась, номер так и не вышел – журнал закрылся по экономическим причинам. Финальная часть романа оказалась в руках у Захария Каганского, второго издателя «России». Это важное имя для сложной издательской судьбы романа – в 1925 году Булгаков заключил второй договор на издание «Белой гвардии» отдельной книгой в издательстве «Россия» с Захарием Каганским. Позднее этот договор стал причиной многомесячных запутанных разбирательств, связанных с правами на роман, которых Булгаков лишился. К осени писатель обнаружил, что положение его оставляет желать лучшего – роман в журнале не допечатан, машинопись с финальными главами писателю не возвращают, издатель Каганский уехал за границу, а отдать текст другому издательству Булгаков не имеет права согласно подписанному договору. В октябре Михаил Булгаков подал заявление в конфликтную комиссию Всероссийского союза писателей с просьбой решить юридические вопросы: «Прошу дело о печатании «Белой гвардии» у Лежнева разобрать и защитить мои интересы». В ноябре состоялось заседание – Булгаков давал показания по существу дела, но распутать его так и не удалось. В автобиографической повести «Тайному другу» Булгаков, пересказывая эту историю, написал: «Причем пять взрослых мужчин, разбирая договоры – мой с редактором, редактора со страдальцем, мой с Рвацким и редактора с Рвацким, – пришли в исступление. Даже Соломон не мог бы сказать, кто владе-

ет романом, почему роман не допечатан». Исследовательница Мария Владимировна Мишуровская, тщательно изучившая все документы вокруг этого дела, пришла к выводу, что правда была все-таки на стороне Захария Каганского, так как согласно примечанию к четвертому пункту договора между Булгаковым и Каганским издательство «Россия» получало преимущественное право на второе издание романа. Ситуация еще больше осложнилась в 1926 году. «Белая гвардия», напечатанная без окончания в журнале «Россия», осталась незамеченной критикой и читателями, чего нельзя сказать о спектакле «Дни Турбиных», поставленном по пьесе, написанной Булгаковым на основе романа. Премьера спектакля на сцене МХАТа 5 октября 1926 года оказалась ошеломительно успешной – Булгаков буквально проснулся знаменитым. Триумфальная постановка МХАТа вызвала в Европе большой интерес и к роману «Белая гвардия» – за границей начали появляться новые издания, которые Булгаков не мог контролировать и тем более не мог получить за них гонорар.

Первые одиннадцать глав романа, обозначенные как том первый, были опубликованы за рубежом в 1927 году парижским издательством «Concorde» без ведома Булгакова (на этом издательство закрылось, не издав больше ни одной книги). Почти сразу появилась и пиратская перепечатка – в Риге вышли те же главы романа и фальшивый финал, написанный неизвестным автором. Как удалось выяснить Марии Владимировне Мишуровской, этот финал был написан по канве

текста пьесы «Дни Турбиных», находившегося в рижском Театре русской драмы. Скорее всего, рижские издатели заторопились после появления заметок в прессе о скорой публикации финальной части «Белой гвардии». Это издание с досочиненным финалом, как нетрудно догадаться, вызвало особенное возмущение Булгакова.

Спустя два года в Париже был издан второй том под названием «Дни Турбиных» («Белая гвардия»), подготовленный уже при участии Михаила Булгакова, переработавшего финал романа. Как только книга вышла, в Риге снова молниеносно появилась пиратская перепечатка, испортившая продажи официального парижского издания. Об этом Булгакову писал из Парижа переводчик Владимир Биншток: «К сожалению, рижская гнусная перепечатка Вашего второго тома испортила все дело; так как они продавали свое издание за 10 франков вместо 15-ти, то повсюду покупали это издание, а не Ваше».

Долгое время финальные главы, предназначенные для публикации в 1925 году в шестом номере журнала «Россия», считались утраченными – машинописные листы с окончанием романа неожиданно обнаружили лишь в 1990-е годы. Машинопись финальной части «Белой гвардии» сохранилась, по-видимому, лишь потому, что редактор журнала «Россия» Исай Лежнев на обороты листов наклеивал газетные вырезки своих статей.

О сюжете с обнаружением машинописи романа Мариэтта

Омаровна Чудакова подробно рассказала в статье 1992 года «Необыкновенные приключения рукописи»: именно к ней пришел владелец листов с машинописью романа на одной стороне и газетными вырезками на другой. Много лет работавшая с архивом Булгакова Мариэтта Омаровна определила «руку Булгакова» в правках к машинописи. Изучив текст, она пришла к выводу, что эти финальные главы были «острее» и «непроходимее», чем более поздняя версия, предназначенная для парижского издания 1929 года.

Постановка «Дней Турбиных» на сценах заграничных театров, сопутствующий спектаклям интерес к роману «Белая гвардия» сделали Булгакова международной звездой, но в советской России к концу 1920-х годов он приобрел прочную репутацию белогвардейца, антисоветчика и контрреволюционера. Первая полная отечественная публикация романа состоялась усилиями вдовы писателя Елены Сергеевны только в 1966 году.

Мария Котова

Часть первая

Пошел мелкий снег и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось с снежным морем. Все исчезло.

*– Ну, барин, – закричал ямицик, – беда: буран!
«Капитанская дочка»*

И судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими...

1

Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй. Был он обилен летом солнцем, а зимою снегом, и особенно высоко в небе стояли две звезды: звезда пастушеская – вечерняя Венера и красный, дрожащий Марс.

Но дни и в мирные и в кровавые годы летят как стрела, и молодые Турбины не заметили, как в крепком морозе наступил белый, мохнатый декабрь. О, елочный дед наш, сверкающий снегом и счастьем! Мама, светлая королева, где же ты?

Через год после того, как дочь Елена повенчалась с капитаном Сергеем Ивановичем Тальбергом, и в ту неделю, когда старший сын, Алексей Васильевич Турбин, после тяжких

походов, службы и бед вернулся на Украину в Город, в родное гнездо, белый гроб с телом матери снесли по крутому Алексеевскому спуску на Подол, в маленькую церковь Николая Доброго, что на Взвозе.

Когда отпевали мать, был май, вишневые деревья и акации наглухо залепили стрельчатые окна. Отец Александр, от печали и смущения спотыкающийся, блестел и искрился у золотеньких огней, и дьякон, лиловый лицом и шеей, весь ковано-золотой до самых носков сапог, скрипящих на ранту, мрачно рокотал слова церковного прощания маме, покидающей своих детей.

Алексей, Елена, Тальберг, и Аня, выросшая в доме Турбиной, и Николка, оглушенный смертью, с вихром, нависшим на правую бровь, стояли у ног старого коричневого святителя Николы. Николкины голубые глаза, посаженные по бокам длинного птичьего носа, смотрели растерянно, убито. Изредка он возводил их на иконостас, на тонущий в полумраке свод алтаря, где возносился печальный и загадочный старик бог, моргал. За что такая обида? Несправедливость? Зачем понадобилось отнять мать, когда все съехались, когда наступило облегчение?

Улетающий в черное, потрескавшееся небо бог ответа не давал, а сам Николка еще не знал, что все, что ни происходит, всегда так, как нужно, и только к лучшему.

Отпели, вышли на гулкие плиты паперти и проводили мать через весь громадный город на кладбище, где под чер-

ным мраморным крестом давно уже лежал отец. И маму закопали. Эх... эх...

Много лет до смерти, в доме № 13 по Алексеевскому спуску, изразцовая печка в столовой грела и растила Еленку маленькую, Алексея старшего и совсем крошечного Николку. Как часто читался у пышущей жаром изразцовой площади «Саардамский Плотник», часы играли гавот, и всегда в конце декабря пахло хвоей, и разноцветный парафин горел на зеленых ветвях. В ответ бронзовым, с гавотом, что стоят в спальне матери, а ныне Еленки, били в столовой черные стенные башенным боем. Покупал их отец давно, когда женщины носили смешные, пузырьчатые у плеч рукава. Такие рукава исчезли, время мелькнуло, как искра, умер отец-профессор, все выросли, а часы остались прежними и били башенным боем. К ним все так привыкли, что, если бы они пропали как-нибудь чудом со стены, грустно было бы, словно умер родной голос, и ничем пустого места не заткнешь. Но часы, по счастью, совершенно бессмертны, бессмертен и Саардамский Плотник, и голландский изразец, как мудрая скала, в самое тяжкое время живительный и жаркий.

Вот этот изразец, и мебель старого красного бархата, и кровати с блестящими шишечками, потертые ковры, пестрые и малиновые, с соколом на руке Алексея Михайловича, с Людовиком XIV, нежащимся на берегу шелкового озера в райском саду, ковры турецкие с чудными завитушками

на восточном поле, что мерещились маленькому Николке в бреду скаралатины, бронзовая лампа под абажуром, лучшие на свете шкапы с книгами, пахнущими таинственным старинным шоколадом, с Наташей Ростовою, Капитанскою Дочкою, золоченые чашки, серебро, портреты, портьеры, – все семь пыльных и полных комнат, вырастивших молодых Турбиных, все это мать в самое трудное время оставила детям и, уже задыхаясь и слабея, цепляясь за руку Елены плачущей, молвила:

– Дружно... живите.

Но как жить? Как же жить?

Алексею Васильевичу Турбину, старшему, – молодому врачу – двадцать восемь лет. Елене – двадцать четыре. Мужу ее, капитану Тальбергу, – тридцать один, а Николке – семнадцать с половиной. Жизнь-то им как раз перебило на самом рассвете. Давно уже начало мести с севера, и метет, и метет, и не перестает, и чем дальше, тем хуже. Вернулся старший Турбин в родной город после первого удара, потрясшего горы над Днепром. Ну, думается, вот перестанет, начнется та жизнь, о которой пишется в шоколадных книгах, но она не только не начинается, а кругом становится все страшнее и страшнее. На севере воеет и воеет выюга, а здесь под ногами глухо погромыхивает, ворчит встревоженная утроба земли. Восемнадцатый год летит к концу и день ото дня глядит все грознее и щетинистей.

Упадут стены, улетит встревоженный сокол с белой рукавицы, потухнет огонь в бронзовой лампе, а Капитанскую Дочку сожгут в печи. Мать сказала детям:

– Живите.

А им придется мучиться и умирать.

Как-то, в сумерки, вскоре после похорон матери, Алексей Турбин, придя к отцу Александру, сказал:

– Да, печаль у нас, отец Александр. Трудно маму забывать, а тут еще такое тяжелое время. Главное, ведь только что вернулся, думал, наладим жизнь, и вот...

Он умолк и, сидя у стола, в сумерках, задумался и посмотрел вдаль. Ветви в церковном дворе закрыли и домишко священника. Казалось, что сейчас же за стеной тесного кабинета, забитого книгами, начинается весенний, таинственный спутанный лес. Город по-вечернему глухо шумел, пахло сиренью.

– Что сделаешь, что сделаешь, – конфузливо забормотал священник. (Он всегда конфузился, если приходилось беседовать с людьми.) – Воля Божья.

– Может, кончится все это, когда-нибудь? Дальше-то лучше будет? – неизвестно у кого спросил Турбин.

Священник шевельнулся в кресле.

– Тяжкое, тяжкое время, что говорить, – пробормотал он, – но унывать-то не следует...

Потом вдруг наложил белую руку, выпростав ее из темно-

го рукава ряски, на пачку книжек и раскрыл верхнюю, там, где она была заложена вышитой цветной закладкой.

– Уныния допускать нельзя, – конфузливо, но как-то очень убедительно проговорил он. – Большой грех – уныние... Хотя кажется мне, что испытания будут еще. Как же, как же, большие испытания, – он говорил все увереннее. – Я последнее время все, знаете ли, за книжечками сижу, по специальности, конечно, больше всего богословские...

Он приподнял книгу, так, чтобы последний свет из окна упал на страницу, и прочитал:

– «Третий ангел вылил чашу свою в реки и источники вод; и сделалась кровь».

2

Итак, был белый, мохнатый декабрь. Он стремительно подходил к половине. Уже отсвет Рождества чувствовался на снежных улицах. Восемнадцатому году скоро конец.

Над двухэтажным домом № 13, постройки изумительной (на улицу квартира Турбиных была во втором этаже, а в маленький, покатый, уютный дворик – в первом), в саду, что лепился под крутейшей горой, все ветки на деревьях стали лапчаты и обвисли. Гору замело, засыпало сарайчики во дворе, и стала гигантская сахарная голова. Дом накрыло шапкой белого генерала, и в нижнем этаже (на улицу – первый, во двор под верандой Турбиных – подвальный) засветился

слабенькими желтенькими огнями инженер и трус, буржуй и несимпатичный, Василий Иванович Лисович, а в верхнем – сильно и весело загорелись турбинские окна.

В сумерки Алексей и Николка пошли за дровами в сарай.

– Эх, эх, а дров до черта мало. Опять сегодня вытащили, смотри.

Из Николкиного электрического фонарика ударил голубой конус, а в нем видно, что обшивка со стены явно содрана и снаружи наскоро прибита.

– Вот бы подстрелить, чертей! Ей-богу. Знаешь что: сядем на эту ночь в караул? Я знаю – это сапожники из одиннадцатого номера. И ведь какие негодяи! Дров у них больше, чем у нас.

– А ну их... Идем. Бери.

Ржавый замок запел, осыпался на братьев пласт, поволокли дрова. К девяти часам вечера к изразцам Саардама нельзя было притронуться.

Замечательная печь на своей ослепительной поверхности несла следующие исторические записи и рисунки, сделанные в разное время восемнадцатого года рукою Николки тушью и полные самого глубокого смысла и значения:

«Если тебе скажут, что союзники спешат к нам на выручку, – не верь. Союзники – сволочи.

Он сочувствует большевикам».

Рисунок: рожа Момуса.

Подпись:

«Улан Леонид Юрьевич».

«Слухи грозные, ужасные,
Наступают банды красные!»

Рисунок красками: голова с отвисшими усами, в папахе с синим хвостом.

Подпись:

«Бей Петлюру!»

Руками Елены и нежных и старинных турбинских друзей детства – Мышлаевского, Карася, Шервинского – красками, тушью, чернилами, вишневым соком записано:

«Елена Васильна любит нас сильно.

Кому – на, а кому – не».

«Леночка, я взял билет на Аиду.

Бельэтаж № 8, правая сторона».

«1918 года, мая 12 дня я влюбился».

«Вы толстый и некрасивый».

«После таких слов я застрелюсь».

(Нарисован весьма похожий «браунинг».)

«Да здравствует Россия!

Да здравствует самодержавие!»

«Июнь. Баркарола».

Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина.

Печатными буквами, рукою Николки:

«Я ТАКИ ПРИКАЗЫВАЮ ПОСТОРОННИХ
ВЕЩЕЙ НА ПЕЧКЕ НЕ ПИСАТЬ ПОД УГРОЗОЙ
РАССТРЕЛА ВСЯКОГО ТОВАРИЩА С ЛИШЕНИЕМ
ПРАВ. КОМИССАР ПОДОЛЬСКОГО РАЙОНА.
ДАМСКИЙ, МУЖСКОЙ И ЖЕНСКИЙ ПОРТНОЙ
АБРАМ ПРУЖИНЕР.

1918 года, 30-го января»

Пышут жаром разрисованные изразцы, черные часы ходят, как тридцать лет назад: тонк-танк. Старший Турбин, бритый, светловолосый, постаревший и мрачный с 25 октября 1917 года, во френче с громадными карманами, в синих рейтузах и мягких новых туфлях, в любимой позе – в кресле с ногами. У ног его на скамеечке Николка с вихром, вытянув ноги почти до буфета, – столовая маленькая. Ноги в сапогах с пряжками. Николкина подруга, гитара, нежно и глухо: трень... Неопределенно трень... потому что пока что, видите ли, ничего еще толком не известно. Тревожно в Городе, туманно, плохо...

На плечах у Николки унтер-офицерские погоны с белыми нашивками, а на левом рукаве остроугольный трехцветный шеврон. (Дружина первая, пехотная, третий ее отдел. Формируется четвертый день, ввиду начинающихся событий.)

Но, несмотря на все эти события, в столовой, в сущности

говоря, прекрасно. Жарко, уютно, кремовые шторы задернуты. И жар согревает братьев, рождает истому.

Старший бросает книгу, тянется.

– А ну-ка, сыграй «Съемки»...

Трень-та-там... Трень-та-там...

Сапоги фасонные,
Бескозырки тонные,
То юнкера-инженеры идут!

Старший начинает подпевать. Глаза мрачны, но в них загорается огонек, в жилах – жар. Но тихонько, господа, тихонько, тихонечко.

Здравствуйте, дачники,
Здравствуйте, дачницы...

Гитара идет маршем, со струн сыплет рота, инженеры идут – ать, ать! Николкины глаза вспоминают:

Училище. Облупленные александровские колонны, пушки. Ползут юнкера на животиках от окна к окну, отстреливаются. Пулеметы в окнах.

Туча солдат осадила училище, ну, форменная туча. Что поделаешь. Испугался генерал Богородицкий и сдался, сдался с юнкерами. Па-а-зор...

Здравствуйте, дачницы,

Здравствуйте, дачники,
Съемки у нас давно уж начались.

Туманятся Николкины глаза.

Столбы зноя над червонными украинскими полями. В пыли идут пылью пудренные юнкерские роты. Было, было все это и вот не стало. Позор. Чепуха.

Елена раздвинула портьеру, и в черном просвете показалась ее рыжеватая голова. Братьям послала взгляд мягкий, а на часы очень и очень тревожный. Оно и понятно. Где же, в самом деле, Тальберг? Волнуется сестра.

Хотела, чтобы это скрыть, подпеть братьям, но вдруг остановилась и подняла палец.

– Погодите. Слышите?

Оборвала рота шаг на всех семи струнах: сто-ой! Все трое прислушались и убедились – пушки. Тяжело, далеко и глухо. Вот еще раз: бу-у... Николка положил гитару и быстро встал, за ним, кряхтя, поднялся Алексей.

В гостиной-приемной совершенно темно. Николка нагнулся на стул. В окнах настоящая опера «Ночь под Рождество» – снег и огонечки. Дрожат и мерцают. Николка прильнул к окошку. Из глаз исчез зной и училище, в глазах – напряженнейший слух. Где? Пожал унтер-офицерскими плечами.

– Черт его знает. Впечатление такое, что будто под Святошином стреляют. Странно, не может быть так близко.

Алексей во тьме, а Елена ближе к окошку, и видно, что глаза ее черно-испуганны. Что же значит, что Тальберга до сих пор нет? Старший чувствует ее волнение и поэтому не говорит ни слова, хоть сказать ему и очень хочется. В Святошине. Сомнений в этом никаких быть не может. Стреляют, 12 верст от города, не дальше. Что за штука?

Николка взялся за шпингалет, другой рукой прижал стекло, будто хочет выдавить его и вылезть, и нос расплющил.

– Хочется мне туда поехать. Узнать, в чем дело...

– Ну да, тебя там не хватало...

Елена говорит в тревоге. Вот несчастье. Муж должен был вернуться самое позднее, слышите ли – самое позднее, сегодня в три часа дня, а сейчас уже десять.

В молчании вернулись в столовую. Гитара мрачно молчит. Николка из кухни тащит самовар, и тот поет зловеще и плюется. На столе чашки с нежными цветами снаружи и золотые внутри, особенные, в виде фигурных колонок. При матери, Анне Владимировне, это был праздничный сервиз в семействе, а теперь у детей пошел на каждый день. Скатерть, несмотря на пушки и все это томление, тревогу и чепуху, бела и крахмальна. Это от Елены, которая не может иначе, это от Анюты, выросшей в доме Турбиных. Полы лоснятся, и в декабре, теперь, на столе, в матовой колонной вазе, голубые гортензии и две мрачных и знойных розы, утверждающие красоту и прочность жизни, несмотря на то что на подступах к Городу – коварный враг, который, пожалуй, может раз-

бить снежный, прекрасный Город и осколки покоя растоптать каблуками. Цветы. Цветы – приношение верного Елениного поклонника, гвардии поручика Леонида Юрьевича Шервинского, друга продавщицы в конфетной знаменитой «Маркизе», друга продавщицы в уютном цветочном магазине «Ниццкая флора». Под тенью гортензий тарелочка с синими узорами, несколько ломтиков колбасы, масло в прозрачной масленке, в сухарнице пила-фраже и белый продолговатый хлеб. Прекрасно можно было бы закусить и выпить чайку, если б не все эти мрачные обстоятельства... Эх... эх...

На чайнике верхом едет гарусный пестрый петух, и в блестящем боку самовара отражаются три изуродованных турбинских лица, и щеки Николкины в нем, как у Момуса.

В глазах Елены тоска, и пряди, подернутые рыжеватым огнем, уныло обвисли.

Застрял где-то Тальберг со своим денежным гетманским поездом и погубил вечер. Черт его знает, уж не случилось ли, чего доброго, чего-нибудь с ним?.. Братья вяло жуют бутерброды. Перед Еленой остывающая чашка и «Господин из Сан-Франциско». Затуманенные глаза, не видя, глядят на слова: «...мрак, океан, выюгу».

Не читает Елена.

Николка наконец не выдерживает:

– Желал бы я знать, почему так близко стреляют? Ведь не может же быть...

Сам себя прервал и исказился при движении в самоваре.

Пауза. Стрелка переползает десятую минуту и – тонк-танк – идет к четверти одиннадцатого.

– Потому стреляют, что немцы – мерзавцы, – неожиданно бурчит старший.

Елена поднимает голову на часы и спрашивает:

– Неужели, неужели они оставят нас на произвол судьбы? – Голос ее тосклив.

Братья, словно по команде, поворачивают головы и начинают лгать.

– Ничего не известно, – говорит Николка и обкусывает ломтик.

– Это я так сказал, гм... предположительно. Слухи.

– Нет, не слухи, – упрямо отвечает Елена, – это не слух, а верно; сегодня видела Щеглову, и она сказала, что из-под Бородянки вернули два немецких полка.

– Чепуха.

– Подумай сама, – начинает старший, – мыслимое ли дело, чтобы немцы подпустили этого прохвоста близко к городу? Подумай, а? Я лично решительно не представляю, как они с ним уживутся хотя бы одну минуту. Полнейший абсурд. Немцы и Петлюра. Сами же они его называют не иначе, как бандит. Смешно.

– Ах, что ты говоришь. Знаю я теперь немцев. Сама уже видела нескольких с красными бантами. И унтер-офицер пьяный с бабой какой-то. И баба пьяная.

– Ну мало ли что? Отдельные случаи разложения могут

быть даже и в германской армии.

– Так, по-вашему, Петлюра не войдет?

– Гм... По-моему, этого не может быть.

– Апсольман. Налей мне, пожалуйста, еще одну чашечку чаю. Ты не волнуйся. Соблюдай, как говорится, спокойствие.

– Но боже, где же Сергей? Я уверена, что на их поезд напали и...

– И что? Ну что выдумываешь зря? Ведь эта линия совершенно свободна.

– Почему же его нет?

– Господи боже мой. Знаешь же сама, какая езда. На каждой станции стояли, наверное, по четыре часа.

– Революционная езда. Час едешь – два стоишь.

Елена, тяжело вздохнув, поглядела на часы, помолчала, потом заговорила опять:

– Господи, господи! Если бы немцы не сделали этой подлости, все было бы отлично. Двух их полков достаточно, чтобы раздавить этого вашего Петлюру, как муху. Нет, я вижу, немцы играют какую-то подлую двойную игру. И почему же нет хваленых союзников? У-у, негодяи. Обещали, обещали...

Самовар, молчавший до сих пор, неожиданно запел, и угольки, подернутые седым пеплом, вывалились на поднос. Братья невольно посмотрели на печку. Ответ – вот он. Пожалуйста:

Союзники – сволочи.

Стрелка остановилась на четверти, часы солидно хрипнули и пробили – раз, и тотчас же часам ответил залиvistый, тонкий звон под потолком в передней.

– Слава богу, вот и Сергей, – радостно сказал старший.

– Это Тальберг, – подтвердил Николка и побежал отворять.

Елена порозовела, встала.

Но это оказался вовсе не Тальберг. Три двери прогремели, и глухо на лестнице прозвучал Николкин удивленный голос. Голос в ответ. За голосами по лестнице стали переваливаться кованые сапоги и приклад. Дверь в переднюю впустила холод, и перед Алексеем и Еленой очутилась высокая, широкоплечая фигура в серой шинели до пят и в защитных погонах с тремя поручичьими звездами химическим карандашом. Башлык заиндевел, а тяжелая винтовка с коричневым штыком заняла всю переднюю.

– Здравствуйте, – пропела фигура хриплым тенором и закоченевшими пальцами ухватилась за башлык.

– Витя!

Николка помог фигуре распутать концы, капюшон слез, за капюшоном – блин офицерской фуражки с потемневшей кокардой, и оказалась над громадными плечами голова поручика Виктора Викторовича Мышлаевского. Голова эта была очень красива, странной и печальной и привлекательной красотой давней, настоящей породы и вырождения. Красота

в разных по цвету, смелых глазах, в длинных ресницах. Нос с горбинкой, губы гордые, лоб бел и чист, без особых примет. Но вот один уголок рта приспущен печально, и подбородок косовато срезан так, словно у скульптора, лепившего дворянское лицо, родилась дикая фантазия откусить пластилины и оставить мужественному лицу маленький и неправильный женский подбородок.

– Откуда ты?

– Откуда?

– Осторожнее, – слабо ответил Мышлаевский, – не разбей. Там бутылка водки.

Николка бережно повесил тяжелую шинель, из кармана которой выглядывало горлышко в обрывке газеты. Затем повесил тяжелый «маузер» в деревянной кобуре, покачнув стойку с оленьими рогами. Тогда лишь Мышлаевский повернулся к Елене, руку поцеловал и сказал:

– Из-под Красного Трактира. Позволь, Лена, ночевать. Не дойду домой.

– Ах, боже мой, конечно.

Мышлаевский вдруг застонал, пытался подуть на пальцы, но губы его не слушались. Белые брови и поседевшая инеем бархатка подстриженных усов начали таять, лицо намокло. Турбин-старший расстегнул френч, прошелся по шву, вытягивая грязную рубашку.

– Ну, конечно... Полно. Кишат.

– Вот что, – испуганная Елена засуетилась, забыла Таль-

берга на минуту. – Николка, там в кухне дрова. Беги зажигай колонку. Эх, горе-то, что Анюту я отпустила. Алексей, снимай с него френч, живо.

В столовой у изразцов Мышлаевский, дав волю стонам, повалился на стул. Елена забегала и загремела ключами. Турбин и Николка, став на колени, стягивали с Мышлаевского узкие щегольские сапоги с пряжками на икрах.

– Легче... Ох, легче...

Размотались мерзкие, пятнистые портянки. Под ними лиловые шелковые носки. Френч Николка тотчас отправил на холодную веранду – пусть дохнут вши. Мышлаевский, в грязнейшей батистовой сорочке, перекрещенной черными подтяжками, в синих бриджах со штрипками, стал тонкий и черный, больной и жалкий. Посиневшие ладони зашлепали, зашарили по изразцам.

Слух... грозн...

Наст... Банд...

Влюбился... мая...

– Что ж это за подлецы! – закричал Турбин. – Неужели же они не могли дать вам валенки и полушубки?

– Ва-аленки, – плача, передразнил Мышлаевский, – вален...

Руки и ноги в тепле взрезала нестерпимая боль. Услышав, что Еленины шаги стихли в кухне, Мышлаевский яростно и слезливо крикнул:

– Кабак!

Сипя и корчась, повалился и, тыча пальцами в носки, про-

стонал:

– Снимите, снимите, снимите...

Пахло противным денатуратом, в тазу таяла снежная гора, от винного стаканчика водки поручик Мышлаевский опьянел мгновенно до мути в глазах.

– Неужели же отрезать придется? Господи... – Он горько закачался в кресле.

– Ну, что ты, погоди. Ничего... Так. Приморозил большой. Так... отойдет. И этот отойдет.

Николка присел на корточки и стал натягивать чистые черные носки, а деревянные, негнущиеся руки Мышлаевского полезли в рукава купального мохнатого халата. На щеках расцвели алые пятна, и, скорчившись, в чистом белье, в халате, смягчился и ожил помороженный поручик Мышлаевский. Грозные матерные слова запрыгали в комнате, как град по подоконнику. Скосив глаза к носу, ругал похабными словами штаб в вагонах первого класса, какого-то полковника Щеткина, мороз, Петлюру и немцев, и метель и кончил тем, что самого гетмана всея Украины обложил гнуснейшими площадными словами.

Алексей и Николка смотрели, как лязгал зубами согревающийся поручик, и время от времени вскрикивали: «Ну-ну».

– Гетман, а? Твою мать! – рычал Мышлаевский. – Кавалергард? Во дворце? А? А нас погнали, в чем были. А? Сутки на морозе в снегу... Господи! Ведь думал – пропадем все...

К матери! На сто саженой офицер от офицера – это цепь называется? Как кур чуть не зарезали!

– Постой, – ошалевая от брани, спрашивал Турбин, – ты скажи, кто там, под Трактиром?

– Ат! – Мышлаевский махнул рукой. – Ничего не поймешь! Ты знаешь, сколько нас было под Трактиром? Сорок человек. Приезжает эта лахудра – полковник Щеткин и говорит (тут Мышлаевский перекошил лицо, стараясь изобразить ненавистного ему полковника Щеткина, и заговорил противным, тонким и сюсюкающим голосом): «Господа офицеры, вся надежда Города на вас. Оправдайте доверие гибнущей матери городов русских, в случае появления неприятеля – переходите в наступление, с нами Бог! Через шесть часов дам смену. Но патроны прошу беречь...» (Мышлаевский заговорил своим обыкновенным голосом) – и смылся на машине со своим адъютантом. И темно, как в ж...! Мороз. Иголками берет.

– Да кто же там, господи! Ведь не может же Петлюра под Трактиром быть?

– А черт их знает! Веришь ли, к утру чуть с ума не сошли. Стали это мы в полночь, ждем смены... Ни рук, ни ног. Нету смены. Костров, понятное дело, разжечь не можем, деревня в двух верстах, Трактир – верста. Ночью чудится: поле шевелится. Кажется – ползут... Ну, думаю, что будем делать?.. Что? Вскинешь винтовку, думаешь – стрелять или не стрелять? Искушение. Стояли, как волки выли. Крикнешь –

в цепи где-то отзовется. Наконец зарылся в снег, нарыл себе прикладом гроб, сел и стараюсь не заснуть: заснешь – каюк. И под утро не вытерпел, чувствую – начинаю дремать. Знаешь, что спасло? Пулеметы. На рассвете слышу, верстах в трех поехало! И ведь, представь, вставать не хочется. Ну, а тут пушка забухала. Поднялся, словно на ногах по пуду, и думаю: «Поздравляю, Петлюра пожаловал». Стянули маленько цепь, перекликаемся. Решили так: в случае чего, собьемся в кучу, отстреливаться будем и отходить на Город. Перебьют – перебьют. Хоть вместе, по крайней мере. И, вообрази, – стихло. Утром начали по три человека в Трактир бегать греться. Знаешь, когда смена пришла? Сегодня в два часа дня. Из первой дружины человек двести юнкеров. И, можешь себе представить, прекрасно одеты – в папахах, в валенках и с пулеметной командой. Привел их полковник Най-Турс.

– А! Наш, наш! – вскричал Николка.

– Погоди-ка, он не белградский гусар? – спросил Турбин.

– Да, да, гусар... Понимаешь, глянули они на нас и ужаснулись: «Мы думали, что вас тут, говорят, роты две с пулеметами, как же вы стояли?»

Оказывается, вот эти-то пулеметы, это на Серебрянку под утро навалилась банда, человек в тысячу, и повела наступление. Счастье, что они не знали, что там цепь вроде нашей, а то, можешь себе представить, утром вся эта орава в Город могла сделать визит. Счастье, что у тех была связушка с По-

стом-Волынским, – дали знать, и оттуда их какая-то батарея обкатила шрапнелью, ну, пыл у них и угас, понимаешь, не довели наступление до конца и расточились куда-то, к чертям.

– Но кто такие? Неужели же Петлюра? Не может этого быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.